

Гастроли Тамбовского драматического театра имени А. В. Луначарского

ЛИПЦАНАМ повезло — только закончились гастроли Московского областного театра драмы, как начал выступать один из старейших русских театров — Тамбовский драматический имени А. В. Луначарского.

Гости начали свои гастроли постановкой пьесы венгерского драматурга Е. Хелтаи «Немой рыцарь». Имя Е. Хелтаи мало что говорит зрителю: его произведения у нас слабо известны. Тем не менее пьеса обладает рядом несомненных достоинств — она сценична, события развиваются стремительно, изобилуют неожиданными поворотами, диалоги напряженны и остроумны, а тема любви и ее превратностей, — извечная, как сама жизнь, не может не волновать зрителей, хотя время действия пьесы относится к раннему средневековью.

На каждом движении спектакля лежит печать приподнятости (недаром и сама пьеса принадлежит к жанру романтических комедий). Правда, комедийная его сторона тут же «заземляет» действие, не дает ему оторваться в заоблачные дали. Вот это столкновение между романтикой и реальностью, между идеализованным чувством и его «земными» проявлениями и составляет внутренний стержень спектакля, ту основу, которая позволяет зрителю увидеть немало интересного.

Добавим к этому яркость костюмов и декораций (художник Л. Волгин), хорошо дополняющую приподнятый тон спектакля, удачно подобранные произведения к музыкальным интермедиям (музыкальное оформление А. Кессельмана), придающие ему легкость и живость, и получим общую картину спектакля веселого, интересного.

«Немой рыцарь» в качестве первого спектакля гостей еще не дал публике возможности широко познакомиться с творческим составом театра. Так уж написана пьеса, что все внимание зрителя концентрируется на одном образе. Разумеется, это налагает особую ответственность на исполнителя, требует от него большого мастерства. К чести артистки Е. Мамонтовой (Селия Дука) надо сказать, что ей удается вызвать интерес у зрителя. Больше того, если первое знакомство зрителя с ее героиней проходит сравнительно спокойно, то затем с каждой картиной интерес публики к душевным движениям Селии нарастает, чтобы к концу спектакля достигнуть своего апогея.

Что же привлекает в этой артистке? Прежде всего, чувство сценической правды. Среди всех романтических перипетий спектакля Селия ни на минуту не перестает быть вполне здравомыслящей, дальновидной и даже расчетливой женщиной. Не любя Агарди, она позволяет ему поцеловать себя (и посмотрите, как умело, как коварно отвечает на этот поцелуй). Не любя, просто так, из чисто женского любопытства, налагает на него жестокий обет: а выдержит ли? Не любя, едет «врачевать» рыцаря, заранее уверенная в успехе, рассчитывая использовать этот успех для собственного возведения.

В эти минуты Селия холодна, надменна, высокомерна. Е. Мамонтова жестом, позой, голосом раскрывает в своей героине лишь одно качество — тонкий расчет, умелое лавирование, и в сущности — душевную пустоту. Но вот Селии приходится самой «расклеивать» ту кашу, которую она круто заваривала. Первоначаль-

„НЕМОЙ РЫЦАРЬ“

ная самоуверенность сменяется страхом за свою жизнь. В борьбе с твердостью рыцаря появляется чувство восхищения им, оно крепнет, нарастает, становится всеобъемлющим, и тогда уходит страх, приходит раскаяние, настоящая любовь, для которой и смерть уже не кажется преградой.

Сложнейшая смена чувств Селии не только глубоко оправдана логикой развития событий, но и довольно гибко передана актрисой. В качестве примера хочется сослаться хотя бы на эпизод первой встречи Селии с Агарди во дворце Матяша. Ее первое: «Заговори!» еще носит повелительные интонации — ведь она не сомневается в успехе. Во втором: «Заговори!» уже звучит мольба, но мольба хитрая, рассчитанная на то, чтобы тронуть сердце рыцаря, и отнюдь не идущая от души (не зря же реплики Селии в сторону в эти минуты вызывают столько смеха в зрительном зале). Но вот в третьем — уже слышатся ноты ужаса, сознание своей бессильности, подлинная, страшная.

Законченность каждого движения, каждой интонации, эмоциональная напряженность дали возможность Е. Мамонтовой создать реалистический образ, который в романтических обстоятельствах спектакля приобрел особую силу убедительности. Это тем более важно, что на долю остальных исполнителей, в сущности, достались лишь эпизодические роли, так или иначе призванные оттенить переживания главной героини.

Однако, сосредоточив основное внимание на центральном образе, нельзя забывать, что спектакль создается не одним актером, каким бы великодепным он ни был. А в «Немом рыцаре», кажется, некоторые эпизодические персонажи не достигают той филигранной отточенности, которая свойственна Селии. Нет, я вовсе не хочу сказать, что остальные образы неудачны. Но вполне достойным партнером Е. Мамонтовой,

на мой взгляд, оказался лишь заслуженный артист РСФСР Д. Дульский (Беппо), удачно решивший весьма трудную задачу, и в известной степени — артистка Е. Шелякина (Беатриче). Образ Беппо выписан чрезвычайно традиционно для пьес этого плана — верный, умный слуга, пускающийся на всевозможные ухищрения, чтобы выручить своего господина. И хотя артист не отошел от авторского замысла, силой своего темперамента, умения он сумел наполнить образ жизнью, заставил заиграть его самобытными красками. У Шелякиной привлекает женское лукавство, милая непосредственность.

А вот Матяшу (артист М. Гайдашев) требуется больше силы, величия — одним зловещим шепотом в сочетании с свободной позой в кресле этого достигнуть нельзя. Недостает материнской мягкости кормилнице Нарделле (артистка А. Капустина). Неоправданно горяч Галетто (артист И. Самохвалов). И уж совсем не удалось расколоть твердый орешек образа Агарди артисту К. Фурману: рыцарь получился весьма импозантный, но за этим внешним качеством, к сожалению, не чувствуется ни души, ни сердца — пустота. Это тем более обидно, что мешает зрителю понять причины любви к нему Селии. Видимо, не нашел артист тех изобразительных средств, которые могли заменить ему речь.

Конечно, этими мелкими недостатками вполне можно было бы пренебречь — они не делают погоды. Но хотелось бы, чтобы высокий уровень основных актерских работ был поддержан всем коллективом. Тогда хороший, яркий спектакль, поставленный режиссером И. Самохваловым, может стать украшением репертуара театра, свидетельством его творческой цельности в большом и малом.

К. ГУРЕНКО.

НА СНИМКЕ: Петер Агарди (арт. К. Фурман). Селия Дука (арт. Е. Мамонтова).

Фото Л. Черкашина.